

ОБЩЕСТВО И ДЕМОГРАФИЯ

УДК 913:910.1

DOI: 10.37490/S221979310013355-3

А. Г. Манаков, Н. В. Данилкина

ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Этническая трансформация, происходящая на постсоветском пространстве, требует глубокого и всестороннего научного изучения. Целью исследования является выявление общих трендов в этнической трансформации бывших советских республик, а ныне независимых государств, за период, прошедший после распада Советского Союза. За начальную точку в исследовании принята последняя Всесоюзная перепись населения 1989 г. Так как ставилась задача выявления трендов в каждом государстве за максимально длительный период, продолжительность рассматриваемого интервала варьирует в разных постсоветских странах в зависимости от наиболее близкой к моменту окончания исследования даты проведения в них переписи или оценки национального состава населения.

Методика по выявлению трендов этнической трансформации постсоветских государств включает сравнительный анализ динамики следующих характеристик: численности населения, индекса этнической мозаичности, этнической структуры населения и коэффициента этнической концентрации. В результате проведенного исследования были выявлены следующие взаимосвязанные логически, но не одинаковые по интенсивности тренды этнической трансформации в постсоветских государствах: увеличение доли титульных народов; нарастание концентрации («стягивание») титульных народов в пределах соответствующих государств и национальных образований; сокращение удельного веса нетитульных народов, в частности, русских, которые в большинстве случаев являются наиболее многочисленным этническим меньшинством. Отмечается магистральная тенденция, которую можно обозначить как движение в направлении моноэтнизации населения постсоветских стран. Подчеркивается необходимость обновления концептуального и теоретико-методологического аппарата для изучения современных и постсовременных процессов социально-политических трансформаций.

Ключевые слова: *социально-политическая трансформация, доля русских, титульные народы, этнос-нация, моноэтнизация.*

Введение. В настоящее время в пределах постсоветского пространства происходит радикальная этническая трансформация. Выявление и анализ общих трендов позволит проследить различия в темпах происходящих изменений на уровне государств и регионов. Нами уже предпринимались попытки выявления основных закономерностей трансформации этнического пространства постсоветских государств. В частности, были определены тренды в изменении этнической структуры населения за более чем вековой период на территории Центрально-Азиатского макрорегиона

[33], а также за постсоветский период в европейских странах СНГ и Балтии [11]. Но пока не было проведено исследование основных трендов этнической трансформации в пределах всего постсоветского пространства, что и предпринято в данной работе.

Целью исследования является определение трендов этнической трансформации постсоветских стран в период между последней советской переписью населения 1989 г. и наиболее близкими к настоящему моменту переписями населения или оценкам национального состава.

В качестве **информационной базы** исследования выступает статистика по этнической структуре населения по итогам его переписей и учётов, начиная с последней Всесоюзной переписи населения 1989 г., результаты которой представлены на сайте demoscope.ru¹, и заканчивая последними переписями и учётами населения в постсоветских государствах, результаты которых отражены на сайте Population statistics of Eastern Europe & former USSR².

Наиболее близкая к данному моменту перепись населения состоялась в 2019 г. в Республике Беларусь. На начало того же года имеются данные по оценке этнической структуры населения в Эстонии, Латвии, Казахстане и Кыргызстане, на начало 2017 г. — в Узбекистане. В остальных случаях использовались результаты переписей населения: 2014 г. — в Молдове и Грузии, 2012 г. — в Туркменистане, 2011 г. — в Литве и Армении, 2010 г. — в Российской Федерации и Таджикистане, 2009 г. — в Азербайджане, 2001 г. — в Украине. При этом для расчёта динамики численности населения использовались данные по отдельным странам на середину 2020 г., полученные на сайте Countrymeters.info³.

Степень изученности проблемы. Проблематика, связанная с трансформацией этнической структуры населения стран постсоветского пространства, привлекает большое количество отечественных и зарубежных исследователей. Можно, к примеру, привести ряд работ, где рассматривается процесс постсоветской этнической трансформации в России [2; 3; 5; 7; 13; 15; 16; 18], странах Балтии [8; 12; 20], Республике Беларусь [9], Украине [4; 6; 14; 22; 24; 27], Молдове [10; 19], государствах Центральной Азии [1; 21; 26] и др. Однако такие исследования обычно проводятся на уровне отдельных стран, хотя бы по причине разных лет проведения переписей населения в независимых государствах в постсоветское время. Лишь единичные исследования охватывают крупные регионы постсоветского пространства [17; 29; 31] или же всё ближнее зарубежье [23].

Ранее нами уже проводились исследования, включающие анализ этнической динамики и выявление её географических закономерностей за более чем вековой период на уровне регионов Эстонии и Латвии [12], а также Российской Федерации [13]. В последующем, в ходе изучения трансформации этнического пространства одного из крупных макрорегионов постсоветского пространства — Центральной Азии — нами была разработана методика по выявлению основных трендов этнической трансформации данного макрорегиона [31]. Также по данной методике была дана

¹ Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР. [Электронный ресурс]: URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php (дата обращения: 24.07.2020).

² Population statistics of Eastern Europe & former USSR. [Электронный ресурс]: URL: <http://pop-stat.mashke.org/> (дата обращения: 12.11.2020).

³ Countrymeters.info. [Электронный ресурс]: URL: <https://countrymeters.info/ru/> (дата обращения: 25.07.2020).

оценка тенденций в динамике этнической структуры населения за постсоветский период в европейских странах СНГ и Балтии [11].

Результаты исследования. Динамика численности населения стран в постсоветский период. Для анализа этнических процессов необходимо обратить внимание на характер демографических изменений в бывших советских республиках. В целом на постсоветском пространстве численность населения с 1989 г. до середины 2020 г. увеличилась с 286,7 до 298,3 млн чел., т. е. на 4 %. При этом рост населения характеризовал только два макрорегиона постсоветского пространства. В первую очередь, это Центрально-Азиатский макрорегион, где население увеличилось с 49,4 до 72,9 млн чел., т. е. на 47,6 %. Во-вторых, это государства Закавказья, где население выросло с 15,8 до 17,6 млн чел., т. е. на 11,5 % (исключительно за счёт Азербайджана).

Во всех остальных постсоветских государствах произошло значительное уменьшение численности населения. В сумме количество жителей Российской Федерации, европейских стран СНГ и Балтии сократилось с 221,6 до 207,9 млн чел., т. е. на 6,2 %. Таким образом, общий рост населения в пределах постсоветского пространства обеспечивался исключительно за счёт высокого естественного прироста населения в мусульманских странах Центральной Азии и Закавказья (Азербайджане). В остальных странах общей чертой демографических процессов являлась естественная убыль населения в течение большей части постсоветского периода (в Молдове — с 1999 г.), а большие расхождения в общей динамике численности населения были связаны с заметно отличающимся миграционным балансом.

Лидерами по убыли населения в пределах всего постсоветского пространства стали три страны Балтии, Грузия и Украина. При этом за счёт значительного миграционного оттока наибольшие потери за постсоветский период понесли Латвия, Литва и Грузия, где численность населения сократилась более чем на четверть (рис. 1).

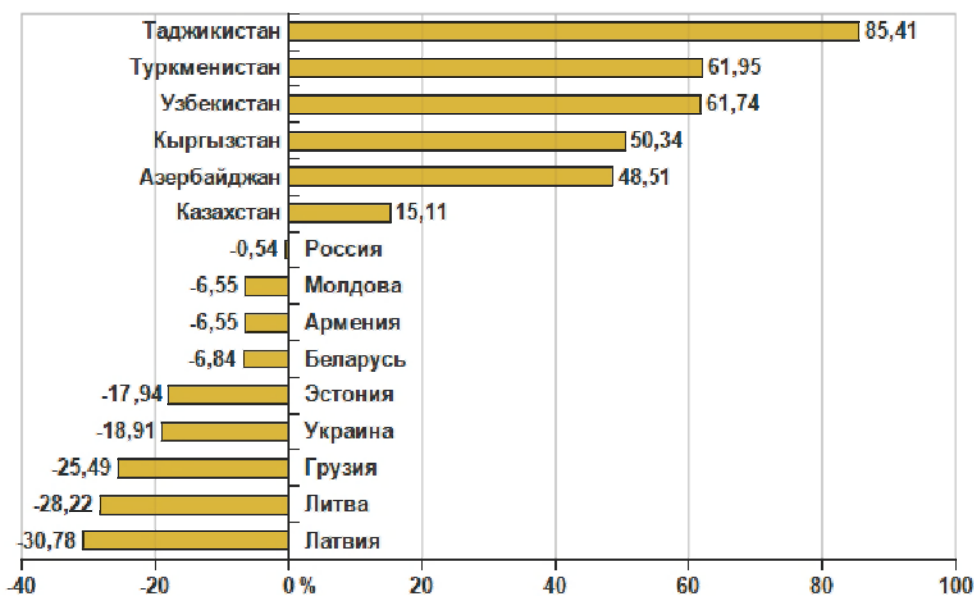

Рис. 1. Прирост численности населения постсоветских государств (в границах на момент распада СССР) с 1989 по 2020 гг., %

Убыль населения Молдовы, Армении и Республики Беларусь примерно соответствовали средним показателям для европейских стран постсоветского пространства. Минимальные демографические потери понесла Российская Федерация, во многом благодаря миграционному притоку населения фактически со всего постсоветского пространства.

Наибольшее падение численности населения в постсоветский период, согласно имеющимся данным, испытали непризнанные (и частично признанные) республики — Абхазия, Южная Осетия и Приднестровье (в меньшей степени Нагорный Карабах) (рис. 2). Вооружённые конфликты привели к значительному оттоку населения.

Рис. 2. Убыль численности населения на территории непризнанных и частично признанных республик с 1989 по 2020 гг., %

Динамика индекса этнической мозаичности. Индекс этнической мозаичности (ИЭМ), предложенный Б. М. Эккелем [30], может быть рассчитан по формуле $ИЭМ = 1 - \sum (P_t)^2$, где P_t — доля t -ой национальности ($t = 1, 2, \dots$) в конкретном регионе.

Наибольший показатель этнической мозаичности населения в пределах постсоветского пространства сохраняют Латвия, Молдова, Казахстан и Эстония, наименьший демонстрируют Армения, Азербайджан и Республика Беларусь. Если же говорить о динамике индекса, то лидерами по его уменьшению в постсоветский период выступают центральноазиатские государства Таджикистан, Кыргызстан и Казахстан. Также радикальное снижение ИЭМ испытал в странах Закавказья. Среди европейских стран СНГ в этом плане лидирует Республика Беларусь (рис. 3).

Значительное снижение ИЭМ произошло в частично признанных республиках Закавказья, а особенно резкое — в непризнанном Нагорном Карабахе. Для расчёта ИЭМ, представленного на рисунке 4, использовались результаты оценки этнического состава населения Абхазии за 2017 г., переписей населения Южной Осетии 2015 г. и Нагорного Карабаха 2005 г. (через 11,5 лет после окончания первой активной фазы противостояния с Азербайджаном). В Приднестровской Молдавской Республике, согласно итогам переписи населения 2004 г., ИЭМ оставался на высоком уровне.

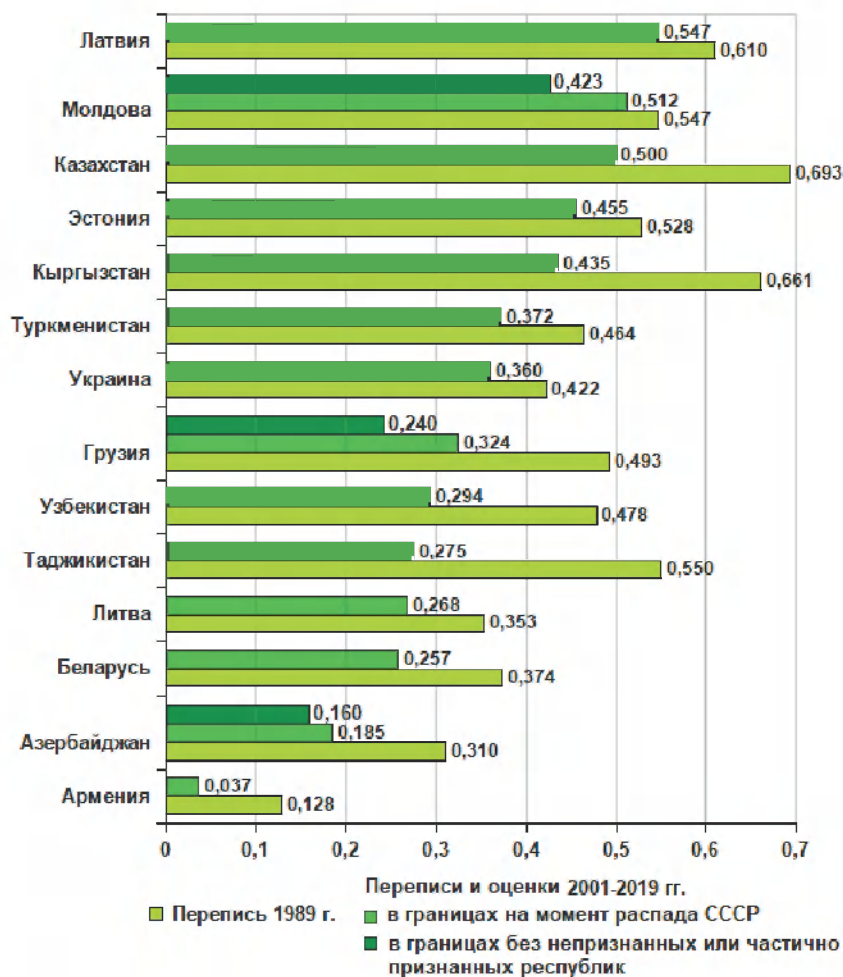

Рис. 3. Изменение величины индекса этнической мозаичности постсоветских стран

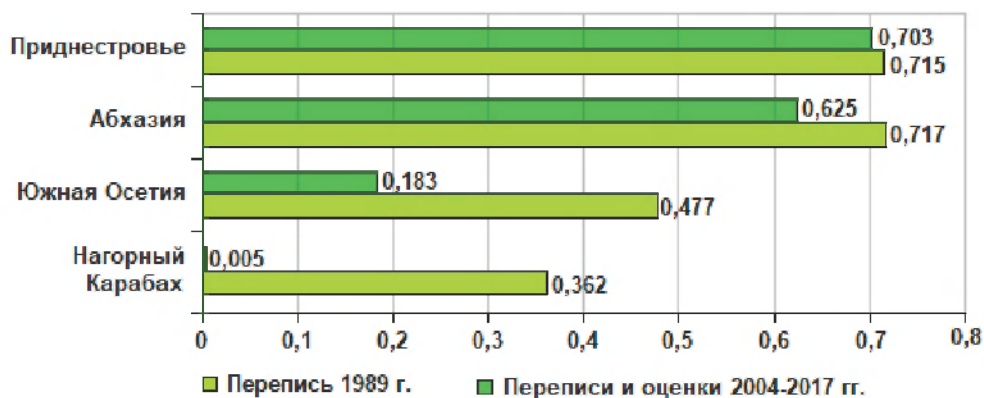

Рис. 4. Изменение величины индекса этнической мозаичности на территории непризнанных и частично признанных республик

Для дальнейшей интерпретации результатов, полученных путём расчёта индекса этнической мозаичности, следует выделить некоторые особенности методики. Б. М. Эккель предложил инструмент, помогающий «определить этническую пестроту населения через теоретическую вероятность интенсивности межнациональных контактов, которая имела бы место, если бы контакты обуславливались лишь процентным соотношением национальных групп в данном районе независимо от других факторов» [30, с. 34]. Как пишет автор, «индекс мозаичности национального состава города или какой-либо территориальной единицы будет тем выше, чем больше в нём будет представлено групп национальностей, чем меньше будут эти группы и чем более равномерно по численности они распределены. Теоретическая вероятность вступления национальностей в межнациональные контакты также будет тем выше, чем больше имеется групп национальностей и чем они численно меньше» [30, с. 34]. Но это — в теории. На практике же на величину индекса «оказывают влияние лишь достаточно крупные по численности национальности» и равномерность распределения общей численности населения между этносами [30, с. 35]. Действительно, чем больше количество таких соразмерных групп и их численность, тем выше теоретическая вероятность, что их представители будут общаться в каких-либо сферах (работа, учёба, быт и т. д.). Поэтому постоянное проживание на одной территории трёх крупных и примерно равных по численности этнических групп, например, в Приднестровье — молдаван, русских и украинцев — предполагает высокую теоретическую вероятность межэтнических контактов, что и отражает высокий ИЭМ.

Большое количество малочисленных этнических групп при наличии одной крупной группы не будет вносить заметного вклада в величину индекса этнической мозаичности. На моноэтнизацию стран и регионов ИЭМ реагирует снижением. При ИЭМ менее 0,2 доля наиболее многочисленной этнической группы обычно составляет свыше 90 %. Этот показатель был принят нами за количественный рубеж этноконтактной зоны для *условно моноэтнических территорий*, которая может рассматриваться не только в пространственном [13], но и во временном плане. В этой зоне располагается Армения — до и после распада СССР. В постсоветское время в неё сместился также Азербайджан. Приближаются к рубежу условной моноэтничности показатели ИЭМ Республики Беларусь, Литвы, Таджикистана, Узбекистана, Грузии, Украины, Туркменистана (см. рис. 3).

Некоторых серьёзных искажений индекса этнической мозаичности можно избежать, если руководствоваться знанием ещё одной особенности, которая привносит в количественную методику качественный элемент. При расчётах индекса этнической мозаичности Б. М. Эккель исходил из предварительной оценки: в момент исследования на данной территории межэтнические контакты предположительно должны иметь примерно одинаковую интенсивность. Разумеется, здесь не идёт речь об учёте всех микрогеографических особенностей расселения этнических групп и историко-культурных особенностей их взаимодействия, которыми приходится временно пренебречь. В своём анализе автор методики стремится выделить *элементарную территориальную ячейку интенсивных контактов*, что выражается в дроблении территорий на административно-территориальные единицы, осуществлении отдельных расчётов индекса по всем автономиям и иным национально-территориальным образованиям, а также крупным городам.

Выполнение задачи по выявлению динамики индекса этнической мозаичности на обширной территории всего постсоветского пространства не позволяет произвести максимальную детализацию этой территории. Одним из важных ограничений, в данном случае, является доступность, полнота и синхроничность статистических данных на всех участках. Тем не менее, регулярные статистические учёты этнического состава населения, которые проводились в ныне непризнанных и частично признанных республиках, дают возможность увидеть вклад последних в величину общестранового показателя ИЭМ на примере Азербайджана, Грузии и Молдовы (см. рис. 3).

В нашем межстрановом сравнении ИЭМ и его динамики не участвует Российская Федерация, субъекты которой более детально изучаются за рамками настоящей статьи. Согласно имеющимся исследованиям, в России в постсоветское время происходило нарастание моноэтничности не только национальных образований, но и большинства регионов [11; 13; 16; 25].

Таким образом, в целом динамика ИЭМ на территории постсоветского пространства указывает на моноэтнизацию как популярную тенденцию после 1989 г., но данный вывод не может распространяться на все без исключения регионы. Для более точной оценки и прогнозирования этнодемографических процессов необходим подробный анализ территорий, качественная и количественная аналитика воздействия различных факторов.

Изменение этнической структуры населения. На рисунке 5 страны постсоветского пространства расположены в порядке уменьшения доли титульного народа в национальном составе их населения (на момент проведения последней переписи). Тройку лидеров по доле титульного народа составляют Армения, Азербайджан и Республика Беларусь. Меньше всего эта доля в Латвии, Казахстане и Молдове. В большинстве случаев вторым компонентом в этнической структуре населения является русское население. Это не относится только к ряду государств Закавказья и Центральной Азии с крайне малой долей русских и значительной долей представителей других национальностей (особенно узбеков в странах юга Центрально-Азиатского макрорегиона).

Тем не менее, на рисунке 5 чётко прослеживается сразу три общих тренда этнических процессов в постсоветских странах: 1) рост доли титульных народов; 2) резкое сокращение доли русских; 3) уменьшение доли других нетитульных народов. Собственно эти три тренда и отвечают за динамику ИЭМ, рассмотренную выше. В государствах Центральной Азии и Азербайджане численность титульных народов росла быстрыми темпами благодаря их высокому естественному приросту. Но в этих же странах, как и в других государствах постсоветского пространства, рост доли титульного народа был также связан с миграционными процессами — в первую очередь, с оттоком нетитульного (в т. ч. русского) населения, что объясняется социально-экономической ситуацией и новыми политическими установками в процессе государственного строительства в бывших советских республиках.

Страны, где произошло наиболее значительное уменьшение доли русских за постсоветский период — это Казахстан (на 18,5 процентных пунктов), Кыргызстан (на 16 п. п.) и Латвия (на 9 п. п.). Если в большинстве государств сокращение доли русских было связано почти полностью с их миграционным оттоком, то в Республике Беларусь, Украине и Молдове сложилась иная ситуация: значительное уменьшение доли русских было вызвано сменой этнической идентичности части населения в пользу титульных народов республик [6; 9; 23].

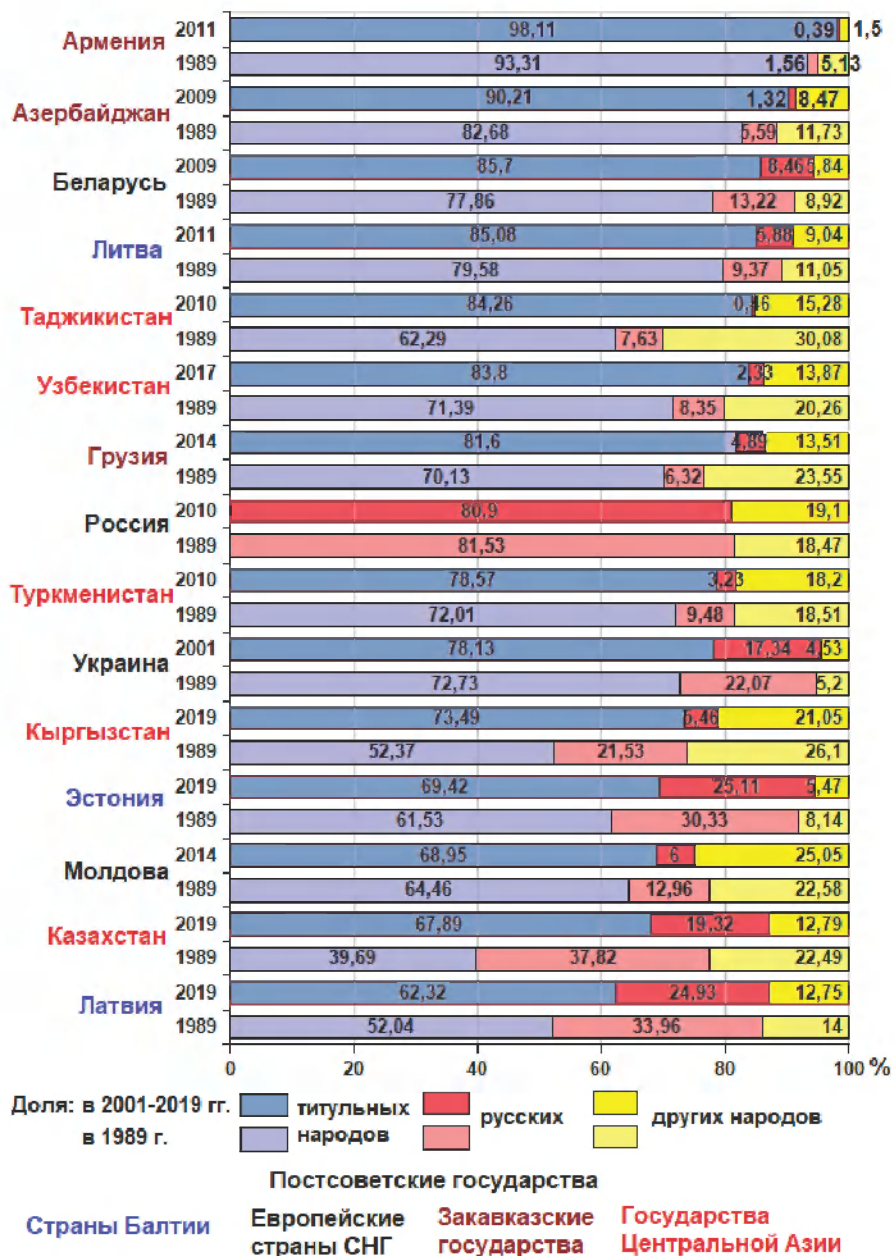

Рис. 5. Изменение этнической структуры населения государств постсоветского пространства (в границах на момент распада СССР)

В Российской Федерации выросла доля титульного населения национальных автономий [13], поэтому можно считать, что первый тренд также выдержан. Вместе с тем, статистически, Россия последовала второму общему тренду в трансформации этнической структуры населения бывших советских республик в постсоветский период, а именно — уменьшению в них удельного веса русского населения.

Необходимо обратить внимание на уменьшение доли других нетитульных народов, которое характерно для всех постсоветских стран, за исключением Молдовы. Лидером здесь является Таджикистан (за счёт двукратного уменьшения доли узбеков). На сокращение доли нетитульных народов повлияла их ассимиляция и миграционный отток. В исследованиях отмечается также смена этнического самосознания, что не может не отразиться на этнодемографической статистике [23]. Нами была зафиксирована смена этнической самоидентификации частью белорусов, украинцев и некоторых других народов (преимущественно русскоязычных) в Эстонии в пользу русского этноса [32].

Следует отметить и ряд явлений, которые еще не получили достаточного освещения в научных публикациях, но которые могут приводить к варьированию статистических показателей в той или иной стране. Среди них формальное отнесение лица к титульному населению (номинальная титулизация) и отказ указывать этническую принадлежность в документах учёта. На наш взгляд, для изучения подобных явлений и процессов требуется специальная методология.

Динамика коэффициента этнической концентрации. Коэффициент этнической концентрации показывает удельный вес титульного народа, проживающего в своей национальной автономии, от общей численности народа, проживающего в пределах всей страны [25]. Этот показатель можно применить и к государствам постсоветского пространства, а также к некоторым автономиям, ставшим в постсоветское время непризнанными (или частично признанными) республиками.

Явными лидерами по концентрации титульных народов в своих республиках в пределах постсоветского пространства стали страны Балтии, которым несколько уступают Грузия, Туркменистан и Украина (рис. 6). Антилидерами по уровню коэффициента являются Армения и Таджикистан.

Особый интерес вызывает динамика показателя. Анализ рисунка 6 позволяет сделать вывод о наличии тренда, характеризующего сосредоточение в постсоветское время титульных народов на территории «своих» государств. Исключением являются Армения и Грузия; для Молдавии показатель остался неизменным. Значительно вырос коэффициент этнической концентрации армян в Нагорном Карабахе и осетин в Южной Осетии (рис. 7). В пределах Российской Федерации коэффициент демонстрировал преимущественно положительную динамику на уровне национальных автономий [25].

Увеличение большинства страновых показателей свидетельствует о том, что за прошедшие тридцать лет произошло «стягивание» русских с постсоветского пространства в Россию, белорусов — в Республику Беларусь, украинцев — в Украину, казахов — в Казахстан и т. д. В Республике Беларусь и Украине на рост коэффициента также оказала влияние смена этнической самоидентификации части русских билингвов в пользу титульных народов, о которой говорилось выше. Впрочем, аналогичный процесс происходил и в России, где часть белорусов и украинцев поменяли свою этническую самоидентификацию на «русский/ая» [13]. Не исключено, что в ряде случаев имело место отождествление этнической идентичности с национальной, которая в современном дискурсе более связана со страной проживания, гражданством. Теоретико-методологические основы для обсуждения подобных феноменов нуждаются в дальнейшей проработке. Здесь мы ограничимся лишь отдельными замечаниями в отношении развития ключевых концептов.

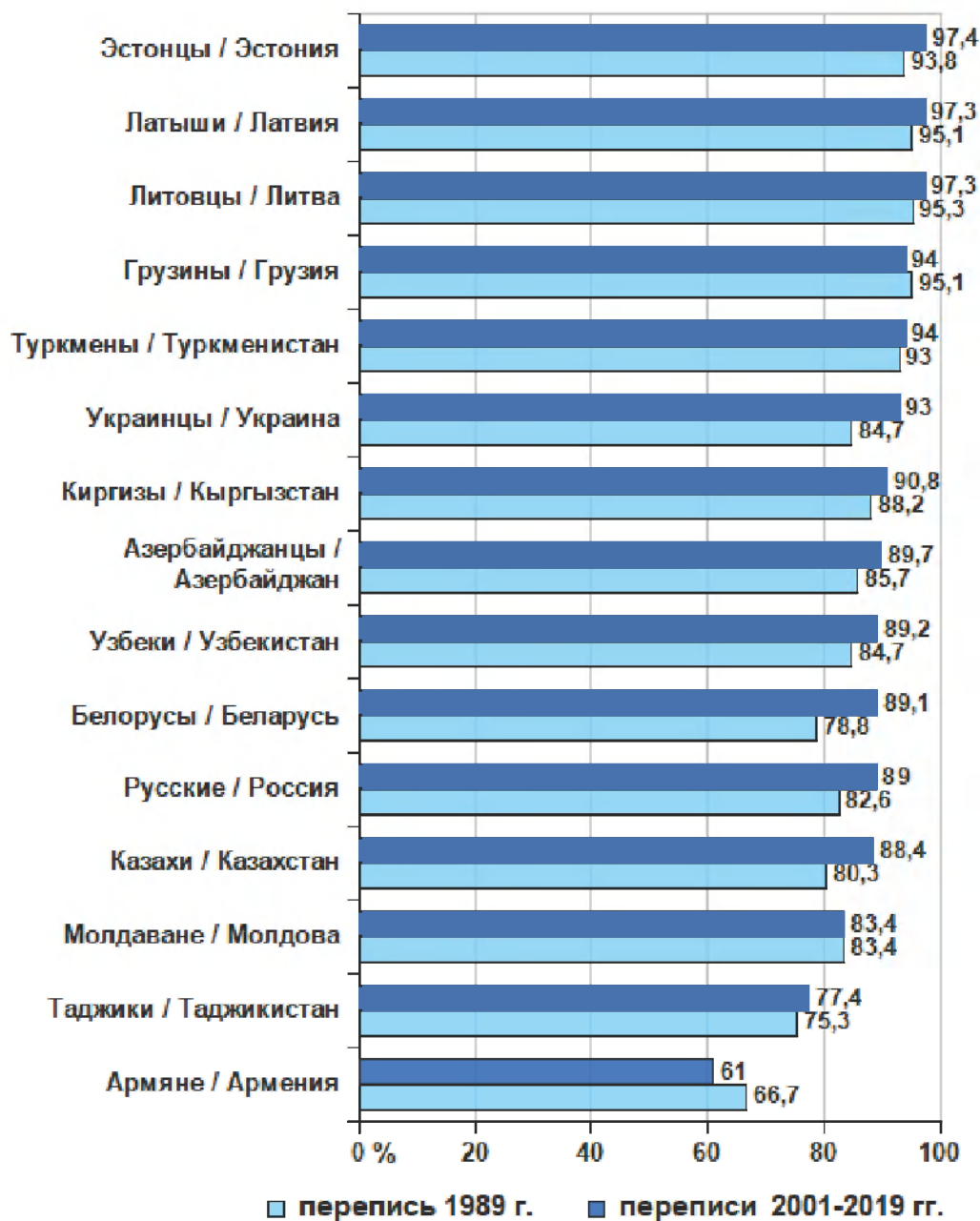

Рис. 6. Изменение коэффициента этнической концентрации титульных народов постсоветских государств (в границах на момент распада СССР)

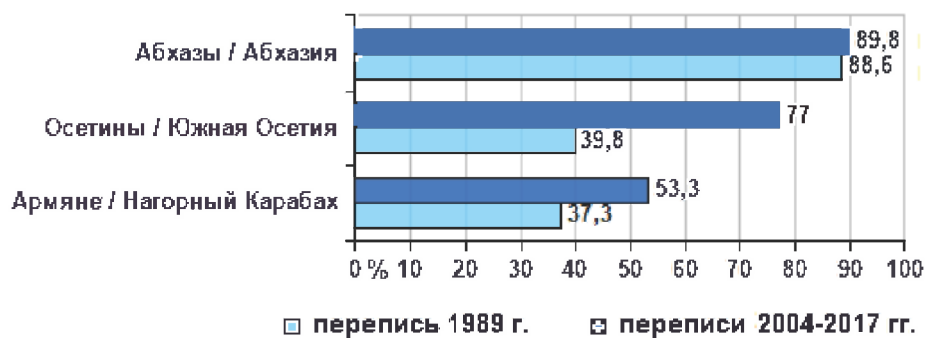

Рис. 7. Изменение коэффициента этнической концентрации титульных народов некоторых бывших национальных автономий в пределах границ бывших советских республик (Грузинской и Азербайджанской ССР)

Не так давно в лексикон этнодемографических исследований вошло понятие *этнос-нация*. В образовании понятия угадывается аналогия с *государством-нацией* (nation-state), но оно является достаточно новым конструктом. Понятием *этнос-нация*, в частности, активно пользуется в своём исследовании этнодемографических процессов в странах Балтийского региона С. А. Хрущёв [28]. Помимо того, что новый гибридный концепт в некоторых контекстах может заменять устоявшийся в постсоветской этнодемографии концепт *титульный народ*, оно выводит на поверхность скрытую двойственность последнего. Под «титульным народом» обычно понимается этнос, именем которого определяется название государства (например, литовцы в Литве, таджики в Таджикистане и т. д.). В этом случае имеет место омонимичность этнической принадлежности и гражданства, что может быть одним из факторов, благоприятствующих отождествлению этнической идентичности с национально-гражданской. В количественном плане эта двойственность наименования будет поддерживать, как правило, и без того высокую долю «титульного» народа в национальных государствах. С другой стороны, могут появиться и такие этнологические новшества как, например, «россияне» в России, также отсылающие к самоидентификации со страной. Не стоит относиться к подобным явлениям лишь как результату несовершенства процедур сбора данных. Они должны привлечь внимание исследователей к более глубокому изучению процессов социально-политических трансформаций и связанных с ними особенностей (ре)конструирования идентичности человека в современном и постсовременном мире.

Выводы. Результаты проведённого исследования позволяют выделить следующие взаимосвязанные логически, но не одинаковые по интенсивности тренды этнической трансформации на постсоветском пространстве: увеличение доли титульных народов на уровне государств и регионов; нарастание концентрации («стягивание») титульных народов в пределах своих национально-территориальных образований; сокращение удельного веса нетитульных народов, в частности, русских, которые в большинстве независимых государств являются вторым по численности народом (наиболее многочисленным национальным меньшинством). В целом отмечается магистральная тенденция, которую можно обозначить как движение в направлении моноэтнизации населения постсоветских стран, хотя большая их часть ещё не до-

стигла рубежа условной моноэтничности (ИЭМ = 0,2). В зоне условно моноэтнических территорий находятся Армения и Азербайджан, причём последний преодолел указанный рубеж в постсоветский период. В ближайшей к ним группе (с ИЭМ от 0,2 до 0,4) располагаются Республика Беларусь, Литва, Таджикистан, Узбекистан, Грузия, Украина, Туркменистан.

Немаловажным итогом исследования является вывод о необходимости обновления концептуального и теоретико-методологического аппарата для изучения современных и постсовременных процессов этнических и государственно-политических трансформаций, а также динамических аспектов социальной идентичности.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-05-00369 «Трансформация этнокультурного пространства постсоветских государств: факторы, тренды, перспективы».

Литература

1. *Ата-Мирзаев О., Гентикте В., Муртазаева Р.* Узбекистан многонациональный: историко-демографический аспект. Ташкент: Янги аср авлоди, 2011. 252 с.
2. *Бубликов В. В.* Основные направления межнационального развития современной России // Вестник Российской нации. 2013. № 3–4 (29–30). С. 19–40.
3. *Бубликов В. В.* Этнические процессы в российских регионах: тенденции 2010 гг. // Этнокультурная ситуация региона: варианты и перспективы развития. Сборник научных статей / Под ред. Е. В. Листвиной, Н. П. Лысиковой. Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2017. С. 22–27.
4. *Джаман В. А., Джаман Я. В., Мручковский П. В.* Этническая структура населения Украины и её динамика в период становления государственной независимости // География в школе. 2014. № 8. С. 26–35.
5. *Дружинин А. Г.* Евразийские приоритеты России (взгляд географа-обществоведа): монография; Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета. 2020. 268 с.
6. *Ефимов С. А.* Куда исчезли русские, или «сообщающиеся сосуды» этноязыковой самоидентификации: Украина, 1989–2001 гг. // История и современность. 2009. № 1. С. 177–189.
7. *Ефремов И.* Кто нарушил этническое равновесие в России? // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3. № 1. С. 94–113.
8. *Житин Д. В., Иванова А. А.* Демографическое развитие стран Балтии. М.: Ассоциация книгоиздателей «Русская книга», 2017. 112 с.
9. *Касперович Г. И.* Особенности этнического состава населения Республики Беларусь // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Материалы международной научной конференции, посвящённой 25-летию центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета. Барнаул: Алтайская государственная педагогическая академия, 2015. С. 107–111.
10. *Кривенко А. В., Фоменко В. Г., Бурла М. П.* Этнический состав населения ПМР: ретроспективный и перспективный анализ // Вестник Приднестровского университета. Серия: Физико-математические и технические науки. Экономика и управление. 2015. Т. 3. № 3 (51). С. 169–178.
11. *Манаков А. Г.* Общие тренды в постсоветской этнической трансформации Европейских стран СНГ и Балтии // Балтийский регион — регион сотрудничества. Регионы в условиях глобальных изменений: Материалы IV Международной научно-практической конференции / Отв. ред. А. А. Михайлова. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2020. Т. 4, ч. 1. С. 254–261.
12. *Манаков А. Г., Чученкова О. А.* Динамика этнического состава населения Эстонии и Латвии с 1881 по 2016 г. М.: Ассоциация книгоиздателей «Русская книга», 2017. 96 с.
13. *Манаков А. Г.* Этнокультурное пространство России: структура и геодинамика с XVIII века. Псков: Псковский государственный университет, 2018. 208 с.
14. *Митрофанова И. В., Суций С. Я.* Русские на Украине: геодемографические итоги постсоветского периода и среднесрочные перспективы // Социологические исследования. 2017. № 8 (401). С. 45–58. DOI: 10.7868/S0132162517080050.

15. Орлов А. Ю. Историко-географические аспекты трансформации этнической структуры населения Российской Федерации // Региональные исследования. 2013. № 2 (40). С. 120–124.
16. Сафронов С. Г. Современные тенденции трансформации этнического состава населения России // Балтийский регион. 2015. № 3 (25). С. 138–153. DOI: 10.5922/2074-9848-2015-3-9.
17. Смирнова Т. Б. Этнические миграции и этнический состав населения государств постсоветской Центральной Азии // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2019. № 2 (22). С. 209–213.
18. Стрелецкий В. Н. Сдвиги в этническом расселении в России в конце XX начале XXI веков и их некоторые культурно-географические аспекты // Южно-Российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2011. № 1 (2). С. 51–72.
19. Суляк С. Г. Этнос и языки Молдавии по результатам переписи 2004 г. и данным ГП «Центр государственных информационных ресурсов «registru» // Русин. 2013. № 3 (33). С. 94–101.
20. Суций С. Я. Русские в Прибалтике — геодемографические тренды постсоветского периода и перспективы первой половины XXI века // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 3. С. 21–36. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-3-02.
21. Суций С. Я. Русские Казахстана — геодемографическая динамика постсоветского периода и перспективы первой половины XXI века // Социологические исследования. 2018. № 8 (412). С. 22–37. DOI: 10.31857/S013216250000759-7.
22. Суций С. Я. Русский мир Украины. Реалии и перспективы постсоветского периода // Свободная мысль. 2020. № 5 (1683). С. 137–160. DOI: 10.24411/0869-4435-2020-00011.
23. Суций С. Я. Русское население ближнего зарубежья: геодемографическая динамика постсоветского периода // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 2. С. 6–30. DOI: 10.17323/demreview.v7i2.11137.
24. Тархов С. А. Итоги переписи населения Украины 2001 года // Четвёртые сократические чтения по географии. Научные теории и географическая реальность (сборник докладов). М.: Эслан, 2004. С. 144–164.
25. Трифонова З. А. Расселение этнических групп в России (1926–2002) // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2008. № 2. С. 62–67.
26. Федорко В. Н., Курбанов Ш. Б. Этногеографическое районирование Узбекистана // Известия Географического общества Узбекистана. 2018. Т. 54. С. 42–53.
27. Хмелько В. Е. Лингво-этническая структура Украины: региональные особенности и тенденции изменений за годы независимости // Научные записки НаУКМА. Социологические науки. 2004. Т. 32. С. 3–15.
28. Хрущёв С. А. Этнические аспекты демографических процессов в странах Балтийского региона // Балтийский регион. 2010. № 4 (6). С. 91–102.
29. Шустов А. В. Трансформация этноконфессиональной структуры новых независимых государств Центральной Азии (1990-е — первое десятилетие 2000-х гг.) // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2011. № 5. С. 98–115.
30. Эккель Б. М. Определение индекса мозаичности национального состава республик, краёв и областей СССР // Советская этнография. 1976. № 2. С. 33–39.
31. Fierman W. Russian in Post-Soviet Central Asia: A Comparison with the States of the Baltic and South Caucasus // Europe-Asia Studies. 2012. Vol. 64. No. 6. P. 1077–1100.
32. Manakov A. G., Klīmask J. Russian-Estonian Border In The Context Of Post-Soviet Ethnic Transformations // Geography, Environment, Sustainability. 2020. Vol. 13. No. 1. P. 16–20.
33. Manakov A. G. Main Trends in the Transformation of the Ethnic Space of the Central Asian Macroregion from 1897 to 2017 // Regional Research of Russia, 2020, Vol. 10, No. 4, pp. 574–582. ISSN 2079-9705. DOI: 10.1134/S2079970520040176.

References

1. Ata-Mirzaev O., Gentshke V., Murtazaeva R. (2011), *Multinational Uzbekistan: historical and demographic aspect*, Tashkent: Yangi asr avlodi, 252 p. (In Russ.).
2. Bublikov V. V. (2013), Main directions of interethnic development of modern Russia, *Vestnik Rossijskoj nacii*, no. 3–4 (29–30), pp. 19–40. (In Russ.).
3. Bublikov V. V. (2017), Ethnic processes in Russian regions: tendencies of 2010, *Ethnocultural situation of the region: options and development prospects. Collection of scientific articles*, eds. E. V. Listvina, N. P. Lysikova, Saratov, Publishing house “Saratov source”, pp. 22–27. (In Russ.).

4. Dzhaman V. A., Dzhaman Y. V., Mruchkovskiy P. V. (2014), Ethnic structure of the population of Ukraine and its dynamics during the period of state independence formation, *Geografiya v shkole*, no. 8, pp. 26–35. (In Russ.).
5. Druzhinin A. G. *Eurasian priorities of Russia (view of a geographer-social scientist)* (2020), Rostov-on-Don, Taganrog, Publishing House of the Southern Federal University, 268 p. (In Russ.).
6. Efimov S. A. (2009), Where did the Russians, or “communicating vessels” of ethno-linguistic self-identification disappear: Ukraine, 1989–2001, *Istoriya i sovremennost*, no. 1, pp. 177–189. (In Russ.).
7. Efremov I. (2016), Who upset the ethnic balance in Russia? *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 3, no. 1, pp. 94–113. (In Russ.).
8. Zhitin D. V., Ivanova A. A. (2017), *Demographic development of the Baltic countries*, Moscow, Association of book publishers “Russian book”, 112 p.
9. Kasperovich G. I. (2015), Features of the ethnic composition of the population of the Republic of Belarus, *Ethnography of Altai and adjacent territories: Materials of the international scientific conference dedicated to the 25th anniversary of the center of oral history and ethnography of the laboratory of historical local history of the Altai State Pedagogical University*, Barnaul, Altai State Pedagogical Academy, pp. 107–111. (In Russ.).
10. Krivenko A. V., Fomenko V. G., Burla M. P. (2015), Ethnic composition of the PMR population: retrospective and perspective analysis, *Vestnik Pridnestrovskogo universiteta. Seriya: Fiziko-matematicheskie i tekhnicheskie nauki. E konomika i upravlenie*, vol. 3, no. 3 (51), pp. 169–178. (In Russ.).
11. Manakov A. G. (2020), General trends in the post-Soviet ethnic transformation of the European countries of the CIS and the Baltic, *Baltic region — a region of cooperation. Regions in the context of global changes. Proceedings of the IV International scientific and practical conference*, ed. A. A. Mikhailova, Kaliningrad, I. Kant BFU Publishing House, vol. 4, part 1, pp. 254–261. (In Russ.).
12. Manakov A. G., Chuchenkova O. A. (2017), *The dynamics of the ethnic composition of the population of Estonia and Latvia from 1881 to 2016*, Moscow, Russian Book Publishers Association, 96 p. (In Russ.).
13. Manakov A. G. (2018), *Ethnocultural space of Russia: structure and geodynamics from the XVIII century*, Pskov, Pskov State University, 208 p. (In Russ.).
14. Mitrofanova I. V., Sushhij S. Ya. (2017), Russians in Ukraine: geodemographic results of the post-Soviet period and medium-term prospects, *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 8 (401), pp. 45–58. (In Russ.). DOI: 10.7868/S0132162517080050.
15. Orlov A. Yu. (2013), Historical and geographical aspects of the transformation of the ethnic structure of the population of the Russian Federation, *Regional'ny'e issledovaniya*, no. 2 (40), pp. 120–124. (In Russ.).
16. Safronov S. G. (2015), Modern trends in the transformation of the ethnic composition of the population of Russia, *Baltic region*, no. 3 (25), pp. 138–153. (In Russ.). DOI: 10.5922 / 2074-9848-2015-3-9.
17. Smirnova T. B. (2019), Ethnic migrations and ethnic composition of the population of the post-Soviet Central Asian states, *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*, no. 2 (22), pp. 209–213. (In Russ.).
18. Streletsky V. N. (2011), Shifts in ethnic settlement in Russia at the end of the 20th and beginning of the 21st centuries and some of their cultural and geographical aspects, *South-Russian Forum: economics, sociology, political science, socio-economic geography*, no. 1 (2), pp. 51–72. (In Russ.).
19. Sulyak S. G. (2013), Ethnicities and languages of Moldova based on the results of the 2004 census and data from the State Enterprise “Center for State Information Resources “registru”, *Rusin*, no. 3 (33), pp. 94–101. (In Russ.).
20. Sushhij S. Ya. (2018), Russians in the Baltic States — geodemographic trends of the post-Soviet period and the prospects of the first half of the XXI century, *Narodonaselenie*, vol. 21, no. 3, pp. 21–36. (In Russ.). DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-3-02.
21. Sushhij S. Ya. (2018), Russians of Kazakhstan — geodemographic dynamics of the post-Soviet period and the prospects of the first half of the XXI century, *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 8 (412), pp. 22–37. (In Russ.). DOI: 10.31857/S013216250000759-7.
22. Sushhij S. Ya. (2020), Russian world of Ukraine. Realities and prospects of the post-Soviet period, *Svobodnaya my'sl*, no. 5 (1683), pp. 137–160. (In Russ.). DOI: 10.24411/0869-4435-2020-00011.
23. Sushhij S. Ya. (2020), Russian population of the near abroad: geodemographic dynamics of the post-Soviet period, *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 7, no. 2, pp. 6–30. (In Russ.). DOI: 10.17323/demreview.v7i2.11137.
24. Tarkhov S. A. (2004), The results of the 2001 census of the population of Ukraine, *Fourth Socratic readings in geography. Scientific theories and geographical reality (collection of reports)*, Moscow, Eslan, pp. 144–164. (In Russ.).

25. Trifonova Z. A. (2008), Resettlement of ethnic groups in Russia (1926–2002), *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya*, no. 2, pp. 62–67. (In Russ.).
26. Fedorko V. N., Kurbanov Sh. B. (2018), Ethnogeographic regionalization of Uzbekistan, *Izvestiya Geograficheskogo obshchestva Uzbekistana*, vol. 54, pp. 42–53. (In Russ.).
27. Khmelko V. E. (2004), Lingvo-ethnic structure of Ukraine: regional features and trends of changes over the years of independence, *Nauchny'e zapiski NaUKMA. Sociologicheskie nauki*, vol. 32, pp. 3–15. (In Russ.).
28. Khrushchev S. A. (2010), The ethnic aspects of demographic processes in the Baltic region states, *Baltic Region*, no. 4 (6), pp. 91–102. (In Russ.).
29. Shustov A. V. (2011), Transformation of the ethno-confessional structure of the newly independent states of Central Asia (1990s — the first decade of the 2000s), *Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*, no. 5, pp. 98–115. (In Russ.).
30. Eckel B. M. (1976), Determination of the mosaic index of the national composition of the republics, territories and regions of the USSR, *Sovetskaya etnografiya*, no. 2, pp. 33–39. (In Russ.).
31. Fierman W. (2012), Russian in Post-Soviet Central Asia: A Comparison with the States of the Baltic and South Caucasus, *Europe-Asia Studies*, vol. 64, no. 6, pp. 1077–1100.
32. Manakov A. G., Kliimask J. (2020), Russian-Estonian Border In The Context Of Post-Soviet Ethnic Transformations, *Geography, Environment, Sustainability*, vol. 13, no. 1, pp. 16–20.
33. Manakov A. G. (2020), Main Trends in the Transformation of the Ethnic Space of the Central Asian Macroregion from 1897 to 2017, *Regional Research of Russia*, vol. 10, no. 4, pp. 574–582. DOI: 10.1134/S2079970520040176.

Сведения об авторах

Манаков Андрей Геннадьевич — доктор географических наук, профессор кафедры географии, Псковский государственный университет, г. Псков, Россия.

E-mail: region-psk@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-3223-2688

Scopus Author ID: 7003929696

Web of Science ResearcherID: C-9332-2018

Данилкина Наталья Валерьевна — кандидат философских наук, аспирант кафедры географии, Псковский государственный университет, г. Псков, Россия.

E-mail: natalia.links@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3954-3806

Scopus Author ID: 57219968920

A. Manakov, N. Danilkina

THE MAIN TRENDS OF ETHNIC TRANSFORMATION IN THE POST-SOVIET AREA

The ethnic transformation taking place in the post-Soviet area requires a deep and comprehensive scientific investigation. The aim of the study is to identify general trends in the ethnic transformation of the former Soviet republics, and now independent states, over the period since the collapse of the Soviet Union. The last All-Union Population Census of 1989 was taken as the starting point in the study. Since the task was to identify trends in each state for the longest possible period, the considered intervals vary in different post-Soviet countries, depending on the date closest to the end of the study for the census or assessment of the national composition of the population.

The methodology for identifying trends in the ethnic transformation of post-Soviet states includes a comparative analysis of the dynamics of the following characteristics: population size, ethnic mosaic index, ethnic structure of the population and ethnic concentration coefficient. As a result of the study, a few trends were identified: an increase in the share of titular peoples; increasing concentration (“pulling together”) of the titular peoples within corresponding states and national entities; reduction in the proportion of non-titular peoples, in particular, Russians, who in most cases are the largest ethnic minority. The trends are logically connected, but not identical in intensity. A backbone trend can be designated as a movement towards monoethnisation of the population of post-Soviet countries. The need to update the conceptual and theoretical-methodological apparatus for studying modern and post-modern processes of socio-political transformations is emphasised.

Key words: socio-political transformation, share of Russians, titular peoples, ethnos-nation, monoethnisation, ethnic concentration.

Acknowledgments. *The reported study was funded by RFBR, project number 20-05-00369 “Transformation of the Ethnocultural Space of Post-Soviet States: Factors, Trends, Prospects”.*

About the authors

Prof. **Andrei Manakov**, Department of Geography, Pskov State University, Pskov, Russia.

E-mail: region-psk@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-3223-2688

Scopus Author ID: 7003929696

Web of Science ResearcherID: C-9332-2018

Dr **Natalia Danilkina**, Department of Geography, Pskov State University, Pskov, Russia.

E-mail: natalia.links@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3954-3806

Scopus Author ID: 57219968920

Статья поступила в редакцию 07.01.2021 г.